

Н. К. ТЕЛЕТОВА

Первый русский лирический поэт П. А. Квашнин-Самарин

Петр Андреевич Квашнин-Самарин в русскую литературу вошел в 20—30-е гг. нашего века, когда в Государственный Исторический музей поступил большой архив его рода. Однако как даты жизни, так даже полная и правильная форма его фамилии до сих пор остаются спорными. Первым писал об открытии этого поэта руководитель Отдела рукописей ГИМ Михаил Несторович Сперанский (1863—1938) в двух своих публикациях — на Украине (1929) и в Москве (1932). В этих изданиях Сперанский опубликовал все найденные им песни-стихи Квашнина-Самарина. В первом — четыре украинских стихотворения,¹ во втором — четырнадцать (с вариантами их более) русских.²

Стихи-песни записаны были Петром Андреевичем на обороте хозяйственных бумаг поместья, которые относились к 1679—1681 гг. Дважды стоит подпись под стихами — Петр Квашнин.

Устанавливая среду, в которой создавалась историческая песня и любовная лирика XVII в., включенная в сборник Ричарда Джеймса и созданная П. А. Квашниным, к интересным выводам приходит в 1935 г. исследователь В. В. Данилов.³

Имя поэта упоминается затем в академической истории литературы (1941), где говорится о стольнике Петре Квашнине, «представителе привилегированного слоя общества», «который писал прекрасные песни, ничем не отличающиеся от народных песен». Странная похвала о «неотличии», а стало быть, безличии стихов должна быть отнесена на счет времени создания этих строк.⁴

В 1948 г. И. П. Еремин, сохраняя усеченный вариант фамилии поэта (Квашнин), пытается утвердить за ним большую самостоятельность, замечая, что его стихи «представляют собою не запись народных песен, а попытку составить стихи в народно-песенном складе. Найденные записи являются черновой рукописью П. А. Квашнина... автор был человек начитанный...».⁵ От него И. П. Еремин ведет генезис петровской любовной лирики.

¹ Сперанский М. Чотири українські пісні кінця XVII-го ст. // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. Київ, 1929. Вып. 2.

² Сперанский М. Н. Из материалов устной песни // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук, М., 1932. № 10.

³ Данилов В. В. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джеймса и П. А. Квашнина // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2.

⁴ История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 137.

⁵ Там же. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 362.

Отметил поэзию Квашнина-Самарина и Д. Д. Благой, снова сказав о «несомненном воздействии фольклора... в первых опытах петровской лирики. Так, в конце XVII в. стольник царицы Прасковьи Федоровны Петр Квашнин писал превосходные в своем роде любовные стихи, почти полностью воспроизводящие поэтику, язык и приемы народной песни».⁶

Упоминается в 1953 г. — впервые в полном написании — фамилия поэта исследователем И. М. Кудрявцевым. Он сравнивает его лирику с песнями-стихами С. И. Пазухина, прадеда Н. М. Карамзина.⁷

В двух публикациях (1956, 1958) А. В. Позднеев — впервые после работы 1932 г. М. Н. Сперанского — обращается к научному исследованию поэзии Квашнина-Самарина. В первой своей работе, анализируя тексты, он приходит к выводу, что утраченные изначальные тексты XVII в., зафиксированные XVIII в. в уже переплавленном виде, в частности в трехтомном «Собрании разных песен» (1770—1773) М. Д. Чулкова, были хорошо известны Квашнину. Он брал группу слов, строку, образ, представленные в архаическом варианте песен, и далее создавал свою авторскую вариацию, переделывая их в соответствии со своим поэтическим замыслом.

Таким образом, записи отрывков из народных песен Квашниным-Самариным (см. IV стихотворение в публикации 1932 г.)⁸ нужно рассматривать, по мнению ученого, как отбор «заготовок» для создания собственных песен (или виршей).⁹

В следующей работе А. В. Позднеев значительное место уделяет вопросу о влиянии украинской поэзии, и это особенно важно потому, что Украина уже в лирике второй половины XVII в. допускала светские темы, в то время как Россия знала лишь духовные.

«С пробуждением интереса к формам западного искусства с середины XVII в. начинаются поиски нового содержания и новых форм литературных произведений. В Москву приезжают ученые украинцы, появляются новые произведения, связи между Украиной и Москвой усиливаются. Уже в последней четверти XVII в. встречаются светские украинские песни. Это видно по записям Квашнина-Самарина».¹⁰ Особенно важным для традиции, отразившейся в творчестве Квашнина, представляется то, что эти «лирические украинские песни... нередко имели форму диалога».¹¹ Очевидно, в этом и причина той особенности, что уже русская поэзия петровского времени пишется как бы сразу «от имени мужчины и одновременно — от лица женщины».¹²

Эту особенность «двусубъектности» поэзии отметят, издавая в 1962 г. стихи Квашнина-Самарина (известные к тому времени русские его стихи), исследователи В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев: «Песни П. А. Квашнина написаны им то от лица девицы, то от лица молодца. Иногда образ девицы и образ молодца смешиваются».¹³

⁶ Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1951. С. 32.

⁷ Кудрявцев И. М. Две лирические песни, записанные в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 380—386.

⁸ Далее при анализе указывается год издания — 1929 или 1932 — и справа римской цифрой порядковый номер стихотворения в этом собрании. Если есть еще более мелкое членение цикла, то вводится дополнительный буквенный порядок.

⁹ Позднеев А. В. Лирические песни XVII века // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 92.

¹⁰ Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII—XVIII веков // Учен. зап. Моск. гос. заочн. пед. ин-та. М., 1958. С. 31.

¹¹ Там же. С. 33.

¹² Там же. С. 58.

¹³ Предисловие к сборнику: Демократическая поэзия XVII века. М.; Л., 1962. С. 27. (Б-ка поэта. Больш. сер.).

Не останавливаясь здесь на анализе стихосложения, не ставя себе целью даже обращаться к этой теме, хорошо проанализированной в ряде работ, продолжим рассмотрение вопроса об изучении творчества Квашнина-Самарина с точки зрения смыслового его своеобразия и особенностей его художественной поэтики.

Укажем выводы А. В. Позднеева, прямо касающиеся временных пределов поэзии Квашнина: «Сложение самых ранних светских книжных песен можно отнести к 1690—1700 годам, поскольку известные нам песни 1705—1710 годов говорят о значительном пройденном пути».¹⁴

В 1964 г. два автора — С. И. Котков и Н. П. Панкратова — выпустили своеобразную хрестоматию русского разговорного языка, используя эпистолярное наследие квашнинского фонда. Они уточняют некоторые родственные связи членов семьи, впервые в печати называют отца, братьев, жену Квашнина-Самарина. К сожалению, произвольная датировка смерти Петра Андреевича и его отца снижает цену этого труда.¹⁵

В 1968 г. — в несколько измененном составе авторов — выходит как бы вторая часть этой хрестоматии, где даются образцы московской деловой и бытовой письменности XVII в. В книге приводятся несколько документов интересующего нас семейства.

Публикуется «местническое» челобитие 1661 г. отца поэта Андрея Никитича, который просит царя заступиться за его род, которому «болши трехсот лет» и к которому хотят причислить себя Самарины, но они «числились и служили по Смоленску», «в детях боярских» (чин низкий, следующий за последним дворянским чином «новика»). Однако комментатор этого документа, один из трех авторов книги, И. Г. Филиппова не поняла мысли просителя, который утверждает, что он — Самарин, но из тех, что Квашнины, т. е. принадлежит к славному роду этой фамилии. Предок Иван Квашня сражался в Куликовской битве 1380 г.; его-то славное имя, очевидно, вспоминает Андрей Никитич, говоря о более чем трехсотлетнем дворянстве. Самарины же смоленские не имеют двойной фамилии, не Самарины, что из Квашниных, а Самарины просто: «Они не наших Самаринных Квашниных».¹⁶ Сам Андрей Никитич и все его предки и потомки писались Квашнины-Самарины, разве что для указания на корневую принадлежность к Квашниным они иногда могли переставить местами фамилии.

Таким образом, появившаяся уже в трех публикациях¹⁷ искаженная, никогда в России не существовавшая фамилия — Самарины-Квашнины — должна быть возвращена к правильной форме.

В сборнике московской письменности XVII в. приводятся еще три биографически важных документа.

Это «Сговорная» невесты Петра Андреевича, урожденной княжны Козловской, а теперь вдовы Ржевской, от 29 января 1698 г. с перечислением ее огромного приданого, которое по цветистости своего описания как бы само сказочно-поэтической принадлежности, где «четыренадцать перстней алмазных и лаловых», шубы всех мехов и цветов и многое другое. Упомина-

¹⁴ Позднеев А. В. Рукописные песенники... С. 60.

¹⁵ Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народного разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964.

¹⁶ Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Сост. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. Г. Филиппова. М., 1968. С. 72.

¹⁷ Филиппова И. Г. Песни П. А. Самарина-Квашнина // ИЮЛЯ. 1972. Т. 31, вып. 1; Демкова Н. С. «Свет моя милоя-дорогая» П. А. Самарина-Квашнина // Межвузовский сборник «Анализ одного стихотворения». Л., 1985; ПЛДР: XVII век. Кн. первая. М., 1988. Тексты — с. 595—602; комментарий — с. 703—704.

ется вотчина ее — в Московском уезде, в Радонежском стану. Перечисленное в «Сговорной» смотрели, принимали брат деда Петра Андреевича — окольничий Федор Иванович и сын его стольник Юрий Федорович, князя Шаховские.

Венчание состоялось «у Богородицы Тверские, что за Страстные ворота».¹⁸

Два последних документа — два варианта «Завещания-Духовной» Андрея Никитича. Ранний — 1 августа 1692 г., когда сын его Петр Андреевич не был женат. Другой не датирован, но установить время приблизительно можно. Это «Завещание» Петр пишет под диктовку отца, при этом присутствуют его жена (сноха Андрея Никитича) и младенец, их первенец Иван.

Забегая вперед, сообщим, что в 1700 г. Петр Андреевич служит вдали от дома, а в годы после свадьбы своей продолжает жить при дряхлом отце. Таким образом, «Завещание» № 2 составлено между концом 1698 г. и началом 1700 г.¹⁹

Очевидно, что завещатель вскоре умер, т. е. не позднее 1700 г., потому что опекавший старца Петр смог покинуть вотчину.

Разбирая архив семьи, И. Г. Филиппова обратилась к документам родных матери поэта, князей Шаховских, и непосредственно деда Петра Андреевича, князя Семена Ивановича, известного литератора XVII в., умершего в 1667 г.

Здесь исследователь встретила, снова на обороте бумаг, поэтический текст Квашнина-Самарина. Он был опубликован ею в 1972 г. и до сих пор не вошел в круг исследуемых стихов поэта.

Между тем именно записи на бумагах Шаховских частично повторяют, а частично варьируют уже известные, сделанные на оборотах отцовских устаревших документов. Публикация И. Г. Филипповой очень важна: ныне можно с уверенностью говорить о работе Квашнина над стихами, о «блоках», которые повторяются, но связываются друг с другом оригинальным авторским текстом.

Интересна при авторской переработке и переадресовка скорбного набора чувств-фраз от Него к Ней и от Нее к Нему, которую позволяет обнаружить публикация 70-х гг.

<i>1972 г.</i>	<i>1932 г.</i>
Не клич бела лебедь	На тихой на заводи
На тихой на заводи	восплакнула
От иссох доброй молодец	Громко голосом бела
От печали великие	Лебедь жалобно добре,
.....	Тужила по белом лебеде,
Не реки проливаются	Что покинул ее бел
Проливаются слезы у молодца	лебедь...
Нынчи все молодца покинули...	Ясны у ней
.....	очи заплаканы.
А и друг мне будет добрый конь	
Товарыщи калены стрелы железные	
.....	
Дарит друга милова с правые руки	
Золотым перстнем.	
Не забывай, мой милой друг,	
За очи меня...	

Отмечу в публикации 1972 г. удивительный сюжет о молодце, где печаль его находит самое напряженное выражение. Сюжет, не повторенный в других записях:

¹⁸ Московская деловая и бытовая письменность... С. 188.

¹⁹ Там же. С. 198.

Светит светло светлый месяц
 Со звезды со частыми,
 Куды ты ни пойдешь,
 Куды ни поедешь,
 Вслед за тобою погонися,
 В руках держит
 Свой булатный нож.²⁰

Серповидный месяц, словно восточный меч, — находка поэта, образная, усиливающая ощущение неизбежного, неотвратимого, преследующего даже с небес.

В 1977 г. исследователь старорусской песни Т. М. Акимова, говоря о песнях Квашнина-Самарина, особо отмечает прием повторов: «Литературное произведение держит слушателя (читателя) на уровне одной эмоции, возвращая к ней путем повторовений».²¹

Повторы как традиционные песенные рефрены переходят в самобытное, индивидуальное. Это касается, очевидно, повторения одного слова:

Хорошо, хорошо мой милый друг в чистом поле ездит.

Исследователь отмечает женский, женственный в подавляющем большинстве, характер любовной лирики конца XVII в. в России, а также слабую сюжетную напряженность акцентированных на душевные переживания этих стихов-песен Квашнина-Самарина.

В 1981 г. выходит наша книжка по генеалогии Пушкина,²² в которой приводятся новые сведения о Квашниных-Самариних биографического характера, поскольку семья через брак сына Петра Андреевича Федора (1704—1770) роднится со Ржевскими и, далее, с Пушкиными.

В 1985 г. появляется анализ одного стихотворения Квашнина-Самарина, сделанный на высоком стиховедческом уровне Н. С. Демковой. Анализ предварен некоторыми сведениями о поэте. Справедливо указывается предположительная дата его рождения — 1671 г. Однако дата смерти для исследователя остается даже приблизительно неизвестной, допускаются некоторые биографические неточности. Интересна мысль о возможном воздействии на поэта анакреонтики, начинающей быть известной в высших кругах России конца XVII в.²³ Н. С. Демковой принадлежит и последняя по времени публикация 13 стихотворений под общим названием «Песни П. А. Самарина-Квашнина».²⁴ К сожалению, публикатор не упоминает и не использует ни украинских стихов (1929 г.), ни обнаруженных и опубликованных И. Г. Филипповой в 1972 г. стихотворений, представляющих безусловную эстетическую ценность. Вызывает сомнение и отнесение стихов к песенному жанру. Думается, что важно рождение именно стихового — виршевого своеобразия у Квашнина-Самарина.

Ни справочники, ни литературные энциклопедии пока имени этого поэта не упоминают.

В опубликованных работах сведения о Квашнине-Самарине обрываются на первых годах XVIII в. Недостаточность материалов о нем не позволяла пока говорить и о датировке его поэзии: одни относили ее к 80-м гг., другие — к 90-м. Большинство исследователей вовсе воздерживалось от попытки уточнить время ее создания.

²⁰ Филиппова И. Г. Песни П. А. Самарина-Квашнина. С. 62.

²¹ Акимова Т. М. Очерки истории русской народной песни. Саратов, 1977. С. 75.

²² Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981.

²³ Демкова Н. С. «Свет моя милоя-дорогая»... С. 58.

²⁴ См.: ПЛДР: XVII век. Кн. первая. С. 595—602, 703—704.

* * *

Начнем с генеалогии автора, достойной внимания с нескольких точек зрения.

На участие предка фамилии Ивана Родионовича Квашни в Донской битве указывает С. Б. Веселовский, сообщая: «...несомненно, этот род принадлежит к древнейшим родам, служившим московским князьям задолго до вел. кн. Дмитрия».²⁵

Сведения о роде в знаменитом труде П. В. Долгорукова совершенно неверны и, возможно, запутывают не одно поколение историков и тех, кто нуждается в анализе рода Квашниных-Самариных.²⁶

Для начала рассмотрим социальное положение рода к концу XVII в. Остановимся на одном историческом эпизоде. 9 сентября 1689 г. Петр I всего лишил князя Василия Васильевича Голицына, по семейному прозвищу Великого, и заключил в тюрьму Леонтия Неплюева, В. В. Голицына и сына его Алексея Васильевича. Весной их повезли на Крайний Север.

С Алексеем Голицыным были дети и жена его Мария Исаевна, урожденная Квашнина-Самарина. В Тотьме, по дороге, она разрешилась от бремени двумя девочками.

Семья бывшего князя добралась до Яренска, откуда «Васка Голицын и Алешка Голицын» умоляют не везти их в Пусто-озеро водой. С ними дети — пяти, двух лет и пяти недель (очевидно, выжившая одна из двух девочек). Но приказано «схать безо всякого мотчания». На трех ладьях 15 июля после того, как их «заносило», они прибыли в Мезень — распухшие, измученные качкой и оттого кровавой рвотой, когда «Федка Васкин внучишко, а Алешкин сынишко к Богу отъиде».

21 апреля 1714 г. В. В. Голицын умер в том месте, где ныне г. Пинега. После смерти царя Петра Алексей Голицын еще вернется с Севера. О судьбе жены его сведений нет.²⁷

Ясно, что в конце XVII в. мера знатности рода Квашниных-Самариных соответствовала их историческому месту. Очевидно и то, что страх перед Петром I должен был гнать представителей рода на служение к Ивану V либо к царице Прасковье Федоровне.

Нет сомнения, что ближайшая родня Марии Исаевны оказалась «не у дел», общение с этой родней было опасным. Мы не знаем степени родства несчастной княгини Марьи Голицыной с интересующей нас ветвью рода, но можно утверждать, что и это семейство было знатным и состоятельным. Среди родных его — князья Долгорукие, Волконские.

Отец поэта Андрей Никитич с братьями в сохранившихся документах впервые упоминается в 1649 г.; тогда им принадлежат земли в восьми уездах. Он много раз бывал в походах. С 1675 г. он, стольник, служит на воеводстве. Сначала это Самара (на Волге), в 1680 г. — Нижний Ломов, в 1686 г. он наместник в Угличе, в 1688 г. — воевода в Саранске.

Женился Андрей Никитич в 1669 г. на княжне Аксинье (Ксении) Семеновне Шаховской, получившей в 1682 г. после смерти брата Петра поместье Брыково Рузского, а позже Звенигородского уезда (ныне

²⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 263, 266.

²⁶ Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1857, ч. 4. С. 125.

²⁷ Розыские дела о Ф. Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. С. 1277, 1282, 1395.

Истринский район). Достается ей от Шаховских и поместье Мураново, знаменитое впоследствии Мураново.²⁸

Брыково до конца XIX в. — главное имение наследников рода Квашниных-Самариных. Там в 1697 г. Андрей Никитич завершает строительство деревянной церкви Богоявления, после чего Брыково именуют Богоявленское тож. Впоследствии его внук Федор Петрович на том же месте возведет каменную церковь, строительство которой завершит уже правнук Петр Федорович.

Надо полагать, что при перестройке скрыты были первые могилы, т. е. Андрея Никитича с супругой Аксиной и, вероятно, сына его Петра Андреевича, не говоря о других братьях и сестрах как отца, так и сына.

Сведения о современном состоянии поместья имеются в книжке 70-х гг.: «Над высоким берегом Маглуши, с большого расстояния видна Богоявленская церковь в селе Брыкове, старинной вотчине Квашнина-Самарина. От усадьбы здесь уцелели остатки парка с террасными прудами. Находящееся в настоящее время на территории машинно-тракторной станции здание церкви сооружено в 1772 г. и является неплохим образцом стиля барокко».²⁹

Старший брат Андрея Никитича Павел был убит в 1671 г. «воровскими казаками», следующий брат, Михаил, умер, по-видимому, тоже рано; сестра Домна замуж выдана была — очевидно, без надела землю — за кн. Вяземского (имела от него сына Федора). Все земли этой ветви рода наследовал Андрей Никитич. У него пятеро детей — Михаил, Петр, Федор, Стефанида и Марфа (ее муж — Федор Леонтьевич Хрущев).

И Михаил (р. 1669/1670 г.), и интересующий нас Петр — стольники царицы Прасковии Федоровны, что естественно по причине свойства с неугодным Петру I родом Голицыных.

Михаил назван стольником в 1692 г., Петр — с 1686 по 1692 г. В 1692 г. делали перепись стольникам, поэтому дата эта — не завершения службы, но ее фиксации.³⁰

Затем оба брата состоят в полку А. С. Шеина и, стало быть, с ним в Азовском походе 1696 г., когда, по видимости, погибает Михаил.

После этого Петр просит освободить его от азовской службы за старостью батюшки и принять сто рублей, что и было дозволено.³¹ Путь к Азову шел на юг, и неизбежное общение Петра Андреевича с местным населением, казачеством, должно быть отмечено как один из возможных источников его украинских стихов.

В 90-е гг. XVII в. все владения Петра располагались на владимирских землях. Только после смерти отца в первые годы XVIII в. ему отходит поместье Брыково.

Известна точная дата обручения П. А. Квашнина-Самарина — на следующий день после составления «Сговорной». Есть и интересные сведения о его невесте. Ею была Агриппина (Аграфена) Григорьевна, урожденная княжна Козловская (р. 1674), в первом браке (с 1692) Ржевская, овдовевшая в мае 1696 г. Мужем Аграфены был умерший в возрасте около 30 лет Михаил Алексеевич Ржевский, брат Юрия Алексеевича — прапрадеда А. С. Пушкина.

²⁸ ГИМ, ф. 253, опись Квашниных-Самариных. Номер дела либо страница описи могут быть опущены, так как фонд ГИМ закрыт ныне, а своевременно они не были зафиксированы.

²⁹ Либсон В. Я. По берегам Истры и ее притоков. М., 1974. С. 87.

³⁰ [Иванов П. И.] Указатель к боярским книгам. М., 1853. С. 181.

³¹ ГИМ, ф. 253, опись Квашниных-Самариных, д. 41.

Сохранился документ 1697 г., по которому братья и мать скончавшегося Михаила Анна Игнатьевна Ржевская делили имущество с вдовой.³²

Обручение Аграфены с Петром Андреевичем состоялось 30 января 1698 г. Сначала молодожены живут в Брыкове, а после смерти владельца его с 1700 по 1702 г. П. Квашнин-Самарин служит воеводой в Ярославле; в 1704 г. делит владения с младшим братом Федором. У Петра трое детей — сыновья Иван и Федор, дочь Федосья, в замужестве Черткова (мужа зовут Иван Васильевич, от него сын Николай, рано умерший).

О службе Петра Андреевича с 1702 по 1722 г. сведения не обнаружены. Объявляется его имя уже в последние годы жизни царя Петра, а подробная ретроспективная запись в связи с его смертью находится в протоколах сенатского архива. Здесь дан и его послужной список со времени начала действия Табели о рангах (январь 1722 г.), т. е. уже с новыми названиями чинов.

«1722 января 31 обер-кригс-комиссар (интендантская военная служба. — *Н. Т.*) Петр Андреев сын Квашнин-Самарин 51 года, крестьян в разных городах 189 дворов, у счетного дела в главном военном комиссариате; апреля 28-го 730 года пожалован в статские советники, а февраля 1-го 1731 определен герольдмейстером, а ноября 7-го 740 г. в действительные статские советники (4-й класс, равен генерал-майору. — *Н. Т.*) и от дел отставлен. Февраля 28-го 1722-го с смотра сенатского отмечен: был у того дела, а по окончании счета годится к коллежским делам (т. е. к службе в ранге полковника, 6-й класс. — *Н. Т.*). Умер».³³

Обнаруживается и разъяснение отставки — сенатский указ от 3 ноября 1740 г. «по челобитью статского советника и герольдмейстера Петра Квашнина-Самарина об отставке его за старостью ото всех дел, с награждением ранга».³⁴

Уточняя службу Петра Андреевича, процитируем еще один документ: «...октября 5, 1725 Ея Императорское Величество изволила подписать патенты: ...на чин обер-кригс-комиссара: Петру Квашнину-Самарину».³⁵

Таким образом, следует заметить, что когда Сенат составлял бумагу на умершего Петра Андреевича, то соединил его должности кригс-комиссара (1722) и обер-кригс-комиссара (1725), поскольку в обеих должностях он имел чин коллежского советника, равный полковнику (6-й класс). И только в 1730 г., при переводе в статскую службу, а вскоре и в герольдмейстеры, он получает чин статского советника, или бригадира (5-й класс).

Прохождение службы в годы царствования Петра неясно, однако путь от стольника 90-х гг. до чина полковника через четверть века был проделан — и, вероятно, нелегкий и честный.

Видно, что приход к власти Анны Иоанновны как бы активизировал Петра Андреевича: может быть, это было связано с воспоминаниями о стольнической службе юноши у Прасковии Федоровны, матери новой царицы.

Последний документ о П. Квашнине-Самарине — от 3 декабря 1740 г. Это запрещение продавать в Москве движимое имущество, о чем ему следовало справиться в юстиц-коллегии. Очевидно, был сделан заклад, и имущество не было свободно от обложений.³⁶

³² Там же. С. 104.

³³ Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7, ч. 2 (протоколы 1749—1750 гг.). С. 810.

³⁴ Там же. 1889. Т. 2. С. 94.

³⁵ Походный журнал 1725. СПб., 1855. С. 33.

³⁶ Сенатский архив. Т. 2. С. 235.

В 1725—1730 гг. на Васильевском острове в Петербурге есть «двор обер-кригс-комиссара П. А. Квашнина-Самарина», место которого ныне неизвестно.³⁷

Сенатский документ позволяет предположительную дату рождения называть окончательно — это 1671 г. Смерть Квашнина-Самарина произошла после 1740, но до 1749—1750 г., когда делается запись в Сенатском архиве.

Издатели седьмого тома «Сенатского архива» из-за утраты первого листа подлинника датируют списки чинов этого сборника 1749—1750 гг. Однако составлялись они иногда спустя годы. К 40-м гг. его сын Федор давно женат на Анне Юрьевне Ржевской — племяннице умершего первого мужа своей матери Агриппины и сестре прабабки А. С. Пушкина. О его внуках и правнуках известно ныне довольно много.³⁸

Выделим здесь, что праправнуками поэта по этой линии были декабрист Захар Чернышев и сестра его Александра Муравьева.

О старшем сыне Петра Андреевича сведения отсутствуют — разве что упоминание в письме монаха Ионы супругам Квашниным, где он шлет привет их сыну, а своему другу Ивану Петровичу.³⁹

Таким образом, анализируя биографию Квашнина-Самарина, приходится сделать вывод, что служба его в Москве стольником царицы началась, когда ему было 15 лет. В 25 лет он участвует в Азовском походе. Затем, по-видимому до свадьбы, Петр Андреевич живет при отце, в вотчине Брыково.

Чтобы писать стихи на уже ненужных домашних бумагах, надо быть дома. Это годы с 1696-го по 1699-й, когда он прерывает свою азовскую службу и уже в своей вотчине по первому впечатлению записывает, варьируя, какие-то украинские песни или вирши. М. Н. Сперанский отмечает две записи, сделанные чужим почерком. Одна из них — украинская, весьма малограмотная. Она могла принадлежать кому-то из слуг, оставшихся при барине после похода. К этим же годам следует отнести и русские любовные стихи, обращенные к невесте или другому лицу.

Датировать лирику Квашнина-Самарина следует 1696—1699 гг. Что касается его стихов на хозяйственных бумагах деда, то они могут быть отнесены к тем же годам, так как Брыково принадлежало — до матери и ее брата — их отцу, князю Семену Ивановичу Шаховскому, и бумаги хранились, вероятно, там же, где и отцовские, т. е. в Брыкове. Сам дед умер за четыре года до появления на свет внука Петра.

* * *

Любовная лирика рождалась в России из песни. Именно фольклорной стихии удалось преодолеть церковные запреты и подготовить Россию к появлению поэзии чувства.

Заметим, что Западная Европа умела хранить то, что Восточной возбранялось, — традицию, восходящую к Древней Греции и Риму, традицию Алкея, Сафо, Архилоха, подхваченную неотериками, Валерием Катуллом в частности, и перешедшую в «золотой век» Рима — любовную лирику Овидия.

Несмотря на все преследования античности, традиция была жива. Она сказывалась у трубадуров Прованса и труверов Северной Франции, позже —

³⁷ ГИМ, ф. 253, опись Квашниных-Самариных. С. 102.

³⁸ Телетова Н. К. Забытые родственные связи... С. 29 и далее.

³⁹ ГИМ, ф. 253, опись Квашниных-Самариных.

в поэзии «сладостного стиля» Италии и миннезанга Германии. Сохранялась она и в поэзии вагантов.

Преображенная в рыцарском романе, любовная тема обретает интеграцию в повествованиях о Тристане и Изольде, рассказ о которых был известен у южных и западных славян — в Сербии, Польше, откуда он достигает и Белоруссии в XVI в.⁴⁰

В Россию тема эта — ни в поэтической, ни в романной форме — проникнуть не смогла. Здесь Egos-Amor отождествлялся с грехом — блудом, плоть — по богомильской традиции, вкоренившейся с принятия христианства от охридских болгар, охваченных этой ересью, — рассматривалась как дьявольское начало.

Естественно, что любовная тема искоренялась при ее зарождении. Уже в относительно свободном XX в. Цветаева называет «страну любви, которая в России... экзотика»,⁴¹ т. е. нечто привозное, редкостное. Речь идет не о любви-милосердии (caritas), а о любви-страсти, любви между людьми двух полов.

Однако и в России естество, здоровье брало свое — через фольклорные формы, и в частности песенный жанр. Высвобождение начиналось с этого лирического внеписьменного искусства. Явление, пограничное между песней и возникающей письменной поэтической традицией, — виршевая (от латинского vers — стих) польско-украинская лирика и, наконец, русская, поначалу силлабическая.

Таким явлением и было творчество автора, варьирующего устойчивые эпитеты с неустоявшимися, ему принадлежащими образами, с рождающейся своей поэтикой, — П. А. Квашнина-Самарина.

Фольклор есть устное народное творчество всего народа, а не только простолюдинов, как это получалось в пору господства вульгарной социологии. Это следует иметь в виду, когда говорится о песнях XVII в. немногочисленных лириков типа Квашнина, весьма близких анонимам фольклора.

Дальние и опасные походы, воспоминания о родной природе и родном доме, о милой, там оставленной, вдохновляли новиков, стольников и других дворян младших лет и чинов на песенное, элегическое по духу творчество.

В свою очередь она, среди зеленого раздолья полей искавшая увидеть конного воина, своего милого, писавшая — чаще рукою дьячка — грамотки далекому жениху, наполняла эти нехитрые, часто традиционные строки глубоким чувством.

Из этих ее писем он создавал любовные строки, уже песенные, поэтические. Заметим, что лирика Квашнина-Самарина по большей части опирается на чувства девицы, женщины, его стихами от ее имени выраженные: «...когда ты был, мой миленкой, на дальней на службе государевой, тогда я с тоски убивалася...» (1932, VII).

Стихи печальны. Здесь и тяжесть разлуки — пространство и время стали препятствием для двоих; горечь брошенности — он изменил, он с другой; боль высокая и неизбывная — он мертв.

Любовь возвышает человека — и сама по себе, и той тревогой и жертвенностью, которые заполняют сердце любящего, лишь в краткие часы счастливого, — и ответностью, и свиданием. Это и есть основное настроение поэзии Квашнина-Самарина.

⁴⁰ Повесть о Трыщане: По Познанской рукописи XVI века // Легенда о Тристане и Изольде. М., 1976. С. 384.

⁴¹ Цветаева М. И. Проза. Нью-Йорк, 1953. С. 128.

Следует особо выделить украинское стихотворение «Снилось дзевчинонке» (1929, IV), которое сюжетно уходит в роман о Тристане. Ей, в богатом покое спавшей, приснилось, что он погиб в море. Она вопрошает рыбаков, не видели ли его. Они отвечают:

Мы видели, мы слышали,
Только не живого
Посредцы море пльвенца
И мечем пробентего.

Вариант, сплавленный с песнею о погибшем в бою милом, тело которого уже не отравлено ядовитым мечом, но в себе этот меч несет, с этим не только ядом, но и мечом нерасторжимое в смерти. Тело принесено волнами к ее замку. И не Каэрдан, как в рыцарском романе, но рыбаки сообщают, что видели его. Не умирающего, но умершего.

И как Изольда стремится к живому или мертвому, но в опасности Тристану, так она устремляется к усопшему, чтобы разделить его ложе, его смертную участь:

кинулося
дзевчиненка з замку високого, выривала,
выривала острый меч з боку на мертвого
.....
— он умеры и я умеры, оба мы померы.
Положуся с кохонечком во едином гробе,
Лежит тело и с телом и душа с панем Богом.

В стихотворении (1932, III), где не сохранились строки в середине и перед концом, приходится констатировать глубокое и непримиримое противоречие в чувствах сестрицы к братцу. Нравственное ее чувство знает, что где любовь, там и право, и правда. Поэтому стихотворение завершается строкой:

Была бы моя правда пред Богом.

И нет у нее сомнения, что правда эта есть, что Бог там, где любовь. Но все стихотворение есть спор с окружающими, которые творят «напраслину». Почему «напраслину»? Потому, что при всей нежности и жажде не расставаться с братцем только ли сестринское чувство владеет ею? Или потому, что всякий упрек любящим — знак зависти и невежества, которое тщится рассудить там, где скудость души прав не должна бы судящему давать? Один из исследователей назвал сестрицу Амелией Шатобриана («Рене»). Возможно, что это верное отнесение любовного мятежа к той же теме другой эпохи и страны.

Но, думается, всего интереснее здесь сам мятеж против устойчивых форм, напоминающий европейские бунты поэтов различных веков против обывателейских норм. Инцест здесь явно отодвинут, растворен эстетическим восторгом, который, может быть, и дает право сознавать «правду пред Богом».

Хорош мой миленькой, как наливная яблочка,
Пригож мой миленькой, как маков цветочик,
Молоденек мой братец, как ягодка вишенка.
Когда я тебя, братец, не вижу,
Тогда я с тоски пропадаю.

Есть тут и мотив Тристана — мотив несомненной оправданности любви Богом: вспомним и Божий суд над Изольдой в романе, когда необожженными остаются руки королевы, держащие раскаленный металл, потому что высший

суд на ее стороне; и над часовней сплетаются ветви все снова прорастающих могил ее и его.

Думается, что оправдание всякой любви — вот пафос любовной лирики Квашнина.

За редкими исключениями, во всех стихах повторяется, варьируясь, мотив ее брошенности, жалоба, что безвинно «недругом» оклеветана.

Здесь прекрасны трехкратные подступы к образу милого (1932, VI), где насыщенность цветовой отмечает и сочность самого мира материи, напоминая пышность барокко. Белоснежность (искристость крупитчатости) и солнечность (померанцевая) как бы переливаются в совершенство света, каким он, молодец, и является:

Ой, сахар мой, сахар,
Бел крупитчатей, канарской!
Хто тебя станет кушать,
Насладит свою душу

Ой, бархат мой, бархат,
Померанцев венеицкой!
Хто тебя будет носить, —
В тебе будет красоватца

Ой, свет же мой, друг сердешной,
Душа моя надежа!

Таков ты мне, мил надежа,
Ни душа моя так в теле [не мила]

Традиционны и по-новому выразительны зачины-сравнения, где отрицание «не» призвано, сначала уподобив, отделить образ как нечто несравненное от кажущегося похожим (1932, VII):

Не ясен сокол летает,
Ай, не маков красный цвет рано расцветает,
Мой миленькай дружечик ранешенько встает

Не лехкой заечик протекает
И красна девица из терема поглядывает,
Своего мила друга посматривает
Не зелена трава зеленетца
Душа девица усмехаетца

В нескольких вариантах предстает у поэта рефрен «кабы знала, ведала». Заклинательный характер придает синонимичное удваивающее смысл слово «ведала». Взята ли поэтом эта строка, выразившая горечь неотвратимого, из уже существовавшей в народе песни, или, напротив, Квашнин подарил ее фольклору, растворил подобное в подобном — сказать трудно. Но примечательно, что рефрен этот, спустя полтора столетия, использует в своем стихотворении «Кабы знала я, кабы ведала» А. К. Толстой, почерпнув его явно в фольклорном, анонимном творчестве.

Троекратен повтор о «неведении» девицы, желающей дознаться о путях молодца, в стихотворении Толстого. У Квашнина эта формула лишь в стадии окончательного сложения, она еще аморфна, устойчивое сращение лишь рождается (цикл 1932):

Кабы знала, млада, ведала (I, дважды)
Кабы знала немилость к себе друга милова (VIII)
Не знаю я, не ведаю, молодец, вины своей не ведаю (IX)
Кабы знала, млада, ведала нелюбовь друга милова (XII)
Кабы сведала правду друга милова,
Кабы ведала я, красна девица (XIII)

Примечательно, что лирика Квашнина-Самарина содержит в себе часто зачатки театрального действия в виде диалога. Это вопрошание дзевчиненки, ответ рыбаков и ее речь снова (1929, IV). Это ее упреки ему и молчание в ответ — диалогичное по сути (1932, VI, VII). Это ее жалобы мамушкам-нянюшкам на его неверность (1932, V). Это его отчаянье: «Придется мне в Днепре утопиту» — и ее утешение: «Стой, не топися, душу забудешь./ Перевенчаемся, кеды мене любишь» (1929, II).

Часто голоса диалога — его и ее, не имея четкого членения меж собой, переходят один в другой. И лишь с трудом можно определить, где замолкает тоскующий молодец, который хочет заказать «мастеру-живописцу милой, дорогой прекрасный лик на персоне», чтобы поставить эту «персону» (парсуну) «во светлую светлицу», и где, разлученная с ним, поджидает она его приезда, но: «Хотя он ко мне и заедет, / Он тайны мне не скажет» (1932, II).

Неотвратимое препятствие — тайна для нее, горе для него — стоит меж ними.

Эта тема развернута в стихотворении (1932, IX), которое представляет собою как бы беседу двоих — с упреками на взаимный холод и неверность, с упоминанием того, что его, «друга старова», «сердешная» покинула ради «друга нового», который над нею «душою льстивою... насмехаетца», отчего «уж весь я, молодец, сокрушился...»

Загорелася во мне сердечная искра,
Сожгла мое сердце,
Палит мою душу день и ночь непрестанно!
И, ай, вешний лед — друг обломливый,
А новый друг — обманчивый.

Начало этого стихотворения представляет собой два перемежающихся голоса, лишь позже она затихает, уступая его неопровержимой правоте и даже сентенции: «вешний лед — друг обломливый».

Ему принадлежит последнее слово, но ей первое — пятнадцать начальных строк стихотворения, где проявляется ее неведение или некий этикет невинности:

За что друг раскручинился,
А держит на меня великий гнев.

Стихотворение 1932, IV состоит из восьми отрывков (с буквенными обозначениями их в издании от «А» до «З»), повторяющих сюжетно тот же лично поэта тревожащий, по-видимому, мотив.

Примечательно, что она тоскует по нему (стихотворение А); он же — одинок, нелюбим, но и несвободен. Кажущаяся его воля — в том, чтобы «на красные на цветочки осмотреть», размыкая кручину «по чисту полю» (стихотворение Б). И снова (стихотворение В) она, как бы следящая за его прогулкой издали: «Хорошо, хорошо мой милый друг в чистом поле ездит». Далее отрывок его (стихотворение Г): «Разсажу свою кручину по лазоревым цветочкам!.. Цвети, моя кручина, пустым пустоцветом». Безысходность, отмеченная опережающим время образом.

Следующие четыре отрывка — плач молодца с некоей осложненной причиной, что раскрывают уже слова заключительного отрывка (стихотворение З), из которого явствует, что его несвобода не столько любовного порядка, сколько дружеской, но неблагоприятной службы. Молодец сетует, что он «износил свою молодость для друга милова, истаскал свою красоту», но теперь этот милый друг остается (т. е. растает) с молодец, отчего

недруг «разживается» — обогащается красотой и общением с этим милым (но не милой!).

Невольно думается о ряде сонетов Шекспира со схожим адресатом и настроением, которые, как и все творчество великого британца после «славной революции» 1688 г., снова стали волновать его соотечественников.

С другой стороны, некоторое общение людей круга Квашнина-Самарина в конце XVII в. с европейской культурой, их путешествия и привоз книг с Запада не исключают знакомства некоторых «москвитов» с сонетами Шекспира.

Свидетельство этого общения с Европой родных Петра Андреевича — сохранившиеся письма 90-х гг. XVII в. Андрею Никитичу из Амстердама князя Ивана Перфильевича Шаховского, двоюродного брата матушки поэта.⁴²

При всей типично русской форме родственность лирики Квашнина-Самарина европейской поэзии несомненна.

Когда в 1932 г. М. Н. Сперанский публиковал поэтические записи Квашнина-Самарина (с бумаг его отца), он расчленил сплошной текст на «блоки», сюжетно или логически отделявшиеся от «блоков» предыдущих и последующих.

Публикация 1972 г. И. Г. Филипповой (с бумаг деда) не преследовала цели редактирования текста, выделения отдельных стихотворений из лирического потока. Тем большее впечатление оставляет эта нетронутая «творческая лаборатория» поэта, представленная последней публикацией. К сожалению, невозможно установить последовательность возникновения стихов обеих записей.

Рассмотрим этот лирический, элегический цельный блок — публикации 1972 г. Здесь прослеживается чередование голосов — он и она, — так же, как в варианте ранних публикаций (1929, 1932). Но это диалог, а не последовательное, друг от друга независимое собрание реплик-стихов. Другое дело, что взаимные упреки, жалобы и оправдания остаются как бы не услышанными вторым лицом.

Первые десять строк-стихов — ее слова; после пропуска (дефект сохранности) следует его монолог до слов «Белая лебедь воскликнула...». И после, со слов «как не было на меня... кручинушки», — снова его голос, уже до конца.

Диалог двух страдающих сердец почти лишен сюжетности: главным, по видимости, было для поэта зафиксировать устойчивые фольклорные сращения эпитетов с объектами мыслей и чувств, характерными для него и для нее. Это как бы две группы слов, сознательно вводимые в речь, спасаемые от забвения в быстро отмирающем песенном фольклоре конца века. Стилизация, столь естественная для поэта, несомненна.

Вполне индивидуальные, например, повторы однокоренных слов, переходящих из прилагательных в наречия, глаголы. Слово живописует, переходя из определения в действие и, наконец, в простой повтор-усиление: это «ясно ясный», это такие формы, как «красно красно золото красное», «чисто чисто чистое серебро». Или даже «светит светло светлый месяц» и т. п.

Наборы страдательных слов, где как бы ни он к ней, ни она к нему пробиться не могут, дают ощущение безнадежной взаимной глухоты и роковой разобщенности.

⁴² ГИМ, ф. 253, опись Квашниных-Самариных, д. 91.

Все эпитеты — природного круга. Здесь цветы, травы, «кустышек», поля-луга, звезды, месяц, солнце. У него добавляются ветры, конь. У нее — зайчик, птицы: лебедь, даже сокол, кукушка, белая голубка, колпица (молодая лебедка), ластушка, касатушка (обычно как эпитет к ластушке). Эти ряды могут быть дополнены, но их природный смысл от этого не меняется.

Из того же мира приспособленные для человека предметы, вторично природные: здесь его — перстень, каленые стрелы, меч, нож; ее — бархаты, миткаль и кисея, т. е. поделки из растений, металлов, камней.

Из стихийных сил отметим воду как враждебное начало. Она пытается пролиться меж двумя любящими и разлучить. Она словно полнит его грудь и выливается из глаз слезами, но сердце жжет — искрою, злым огнем, еще большей болью.

Любопытно, что она, как лебедушка на заводи, стремится эту воду переплыть, а он обессилел, и сон его одолевает.

У него нет сопротивления, лишь слезная печаль, ибо нет в нем веры, только ощущение покинутости и одиночества. Он боится погони месяца, отступает, бежит. Она же, окрыленная, летит — и кукушкой, и ласточкой, и голубкой. Женская ее предприимчивость и мужская его покорность обстоятельствам глубоко психологичны.

Квашнин-Самарин скорее прячет себя в фольклорной традиции, которую он любит и чтит, но волей или неволей в нее вторгается, как того требует его крепнущее индивидуальное творческое «я».

Закон лирики, песни, элегии-жалобы требует наличия препятствия для любящих. Появляются недруг, чужая сторона, охлаждение сердечное, соперник либо соперница, а то и просто непреодолимое Нечто. Это хорошо понимал и применял Квашнин-Самарин.

Поэт жил на стыке двух эпох. Кончалась древность, начинался петровский период. Его поэзия отразила традицию и нарождающееся новое мироощущение.